

Научная статья
УДК 159.9.072
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>

Личностные характеристики саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы

Наталья Анатольевна Самойлик, доктор психологических наук, доцент

Кузбасский институт ФСИН России
Новокузнецк, Кемеровская обл. – Кузбасс (654066, пр. Октябрьский, д. 49), Российская Федерация
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

Аннотация:

Введение. Исследование направлено на изучение личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Анализируется комплекс личностных особенностей женщин с разным уровнем саморегуляции, а также преобладающие стили контроля и управления своим поведением у осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. Гипотеза исследования – предположение о том, что в ходе отбывания уголовного наказания поведение осужденных женщин отличается уровнем саморегуляции; личностные характеристики осужденных влияют на реализацию конкретного стиля поведения женщин в исправительном учреждении. Выборку исследования составили осужденные женщины в количестве 328 человек в возрасте 25–35 лет, отбывающие уголовные наказания.

Методы исследования: теоретические (анализ, синтез и обобщение информации), эмпирические (психодиагностическое тестирование). Методики, используемые в исследовании: «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова) и «Индивидуально-типологический опросник» («ИТО») (Л. Н. Собчик).

Результаты. Выявлены достоверные различия проявления личностных особенностей осужденных женского пола с разным уровнем саморегуляции поведения. Доказано, что осужденным женщинам с низким показателем саморегуляции свойственны такие личностные характеристики, как агрессивность, замкнутость, спонтанность, сензитивность, лабильность. Данный комплекс личностных проявлений соответствует гипостеническому типу поведения. У отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях женщин со средним уровнем саморегуляции проявляется ригидность, спонтанность, интроверсия, что обуславливает формирование гиперстенического типа поведения. В группе осужденных с низким уровнем саморегуляции наиболее выражены программирование и гибкость стилей контроля и управления своим поведением. Женщины со средним показателем саморегуляции предпочитают гибкость и программирование при реализации поведенческих стратегий при отбывании наказаний за совершенные уголовные преступления.

Ключевые слова:

личностные особенности, саморегуляция, стили саморегуляции, саморегуляция поведения, стили саморегуляции поведения, осужденные женщины

Для цитирования:

Самойлик Н. А. Личностные характеристики саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 294–303. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 03.11.2024;
принята к публикации 27.12.2024.

Original article

Personality characteristics of self-regulatory behaviour of convicted women serving sentences in prisons

Natalia A. Samoylik, Doc. Sci. (Psy.), Docent

Kuzbass Institute of the Federal Penal System of Russia
49, Oktyabrsky pr., Novokuznetsk, Kemerovo region – Kuzbas, 654066, Russian Federation
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

© Самойлик Н. А., 2025

Abstract:

Introduction. *The study aims to investigate the personal characteristics of self-regulation of convicted women behaviour serving sentences in places of liberty deprivation. The complex of personal characteristics of women with different levels of self-regulation is analysed, as well as the prevailing styles of behaviour control and self-management of convicted prisoners serving criminal sentences in places of liberty deprivation. Hypothesis of the study is the assumption that during serving a sentence the convicted women behaviour differs in the level of self-regulation; the personality characteristics of the convicted people influence the realisation of the specific style of behaviour of women in correction facilities. The sample of the study was made up of 328 convicted women aged 25-35 years serving criminal sentences.*

Methods: *theoretical (analysis, synthesis and generalisation of information), empirical (psycho-diagnostic testing). The methodical techniques used in the study: "Style of self-regulation of behaviour - SSP-98" (V. I. Morosanova) and "Individual-typological questionnaire" (L. N. Sobchik).*

Results. *Reliable differences in the display of the personality characteristics of female convicts with different levels of self-regulation were revealed. It was proved that convicted women with low self-regulatory index have such personality characteristics as aggressiveness, introversion, spontaneity, sensitivity, labiality. This complex of personality manifestations corresponds to a hypogenic type of behaviour. Women with a medium level of self-regulation, who are serving criminal sentences in correctional institutions, have rigidity, spontaneity and introversion, that determine hyperstenic type of behaviour. In the group of convicted with low level of self-regulation programming and flexibility of control styles and behaviour management are mostly expressed. Women with a medium self-regulatory rate prefer flexibility and programming in the behavioural strategies implementation when serving sentences for criminal offences.*

Keywords:

personality traits, self-regulation, self-regulation styles, self-regulation of behaviour, styles of behaviour self-regulation, convicted women

For citation:

Samoylik N. A. Personality characteristics of self-regulatory behaviour of convicted women serving sentences in prisons // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P.294-303. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-294-303>.

The article was submitted September 4, 2024; approved after reviewing November 3, 2024; accepted for publication December 27, 2024.

Введение

Специфика социального статуса человека, осужденного к лишению свободы, не только обуславливает его положение в структуре системы исполнения уголовных наказаний, но и в большей степени характеризует его с точки зрения прогноза осуществления делинквентного поведения как во время отбывания наказания, так и после освобождения. Безусловно, систематическая реализация данной формы поведения демонстрирует отсутствие потребности человека к осуществлению саморегуляции, которая, согласно Б. А. Гунзуновой, «предполагает подчиненность активности живого существа внутренним факторам, придающим ей избирательный, целостный, организующий, упорядочивающий характер» [1, с. 3]. Существенно расширяет понимание саморегуляции в функциональном ракурсе К. А. Абульханова-Славская, утверждая, что именно саморегуляция «обеспечивает целевое и смысловое соответствие действий субъекта, своевременность, пропорциональность действий» [2, с. 26]. В то же время, как констатирует В. И. Моросанова, саморегуляция – понятие метапредметное, проявляющееся «не только в достижении конкретных целей, но и при решении более широких задач жизнедеятельности, таких как самовоспитание, личностное и профессиональное становление» [3, с. 17]. Таким образом, саморегуляция, выступая в качестве одного из уровней координации и управления активности человека, определяет специфику отражения и моделирования действительности, зависящую от условий и личностных качеств личности. При этом именно личностные черты «определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности ... и наряду с индивидуальным регуляторным профилем являются основой для формирования индивидуальных стилей саморегуляции в конкретных видах деятельности» [4, с. 40].

Наиболее остро проблема саморегуляции поведения встает при изучении женской преступности, которая в последние годы изменяется не только качественно, но и количественно. По мнению А. Е. Михайлова и И. А. Тараканова, «специфика общественной опасности женской преступности выражается в том, что она подрывает основы традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей» [5, с. 100]. Поэтому можно утверждать, что женская преступность выступает своеобразным индикатором духовно-нравственного и морального благополучия в современном обществе. Вместе с тем мотивация преступного поведения женщин не является сиюминутной и спонтанной, а зачастую формируется вследствие длительного стресса или конфликта, обусловленного неудачами в личной или профессиональной сферах и проявляющегося в неспособности разрешить сложившуюся ситуацию эффективными

способами. Данную особенность отметил Ю. М. Антонян, говоря о том, что женщины «...более эмоционально и остро реагируют на неактивные стороны окружающей действительности; травмы, связанные с производственными и семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, могут носить у них более затяжной и глубокий характер» [6, с. 257]. В подобных условиях деформации у женщин подвергается прежде всего личностная сфера. Эффективные поведенческие стратегии заменяются на девиантные, навыки самоконтроля и саморегуляции утрачиваются и замещаются длительными периодами эмоциональных переживаний, приводящих в итоге к совершению уголовных преступлений.

Проблематика саморегуляции поведения женщин, совершивших преступные действия, акцентируется в условиях исправительного учреждения, что обусловлено отрицательным влиянием пенитенциарного социума, закрытостью среды, ограниченностью круга общения и невозможностью удовлетворения индивидуальных влечений и потребностей. Наиболее типичными формами поведения осужденных в подобных условиях являются агрессия, конфликты, провокации, аффекты, сопровождающиеся всплесками негативных эмоций и переживаний. Все это дает основания предполагать дефицитность саморегуляции поведения у осужденных женщин.

Цель исследования заключалась в изучении личностных характеристик саморегуляции поведения женщин, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, расположенных на территории Сибирского территориального органа. Для проведения исследования была сформирована группа осужденных женщин ($N = 328$) в возрасте 25–35 лет ($M = 29,63$; $\sigma = 0,04$). При формировании выборки не учитывался уголовно-правой статус женщин, при этом акцент делался на факт осуждения независимо от вида совершенного деяния.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что в ходе отбывания уголовного наказания поведение осужденных женщин отличается уровнем саморегуляции; личностные характеристики осужденных влияют на реализацию конкретного стиля поведения женщин в исправительном учреждении.

Методы

Анализ личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, осуществлялся методом поперечных срезов с использованием следующих психодиагностических методик: опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова) и «Индивидуально-типологический опросник» («ИТО») (Л. Н. Собчик). В основе разработанной В. И. Моросановой методики лежит идея о том, что «стилевыми особенностями саморегуляции являются типичные для человека и наиболее существенные индивидуальные особенности самоорганизации и управления внешней и внутренней целенаправленной активностью, устойчиво проявляющееся в различных ее видах» [7, с. 120]. Индивидуально-типологический опросник направлен на анализ выраженности базовых свойств личности, определяющих ведущие поведенческие тенденции, что соответствует цели настоящего исследования [8]. Диагностика проводилась в групповой форме (малые группы) и на основании письменного согласия осужденных женщин.

Математико-статистическая обработка данных была выполнена на основе программного обеспечения IBM SPSS Statistics 23.0. Достоверность полученных результатов определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Также в исследовании применялись методы первичной обработки данных – значение среднего показателя величины (M), частотный (процентный) анализ.

Результаты

На первом этапе исследования была проведена диагностика выраженности уровня саморегуляции поведения в группе осужденных женщин. На рисунке 1 наглядно видно, что у 62 % осужденных женщин присутствует низкий показатель саморегуляции поведения, отражающий несформированность мотивации к осознанному планированию и программированию своего поведения, а также проявлению ситуативной зависимости и подчиненности мнению окружающих людей. Возможно, это и послужило одним из лидирующих факторов совершения противоправных действий. Следует заметить, что возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей у представителей данной группы испытуемых значительно снижена.

Рис. 1. Выраженность уровня индивидуальной саморегуляции у осужденных женщин

Fig. 1. Expression of the individual self-regulation level in convicted women

Результаты исследования показали, что для 38 % осужденных женщин характерен средний показатель выраженности саморегуляции поведения. Они не способны самостоятельно определять стратегию своего поведения, не могут адекватно и мобильно реагировать на изменение внешних условий социальной среды, выдвижение и достижение цели у них частично осознано. Однако присущая им потребность в развитии индивидуальной саморегуляции детерминирует понимание необходимости ценностно-смыслового осознания и рефлексии совершенных действий и поступков. В данном случае речь идет именно о поведенческих актах, которые имели место в прошлом, т. к. произвольное прогнозирование личностной активности в данной группе осужденных женщин не выражено.

Необходимо подчеркнуть, что в группе осужденных женщин не обнаружены респонденты с высоким уровнем индивидуальной саморегуляции, в то время как именно потребность в саморегуляции среди исследователей признается значимым фактором сдерживания преступного поведения и профилактики рецидивной преступности [9].

Для проведения сравнительного анализа личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, на основании диагностики были образованы две группы. В первую группу вошли женщины с низким уровнем индивидуальной саморегуляции ($N = 205$); вторая группа сформирована из осужденных со средним уровнем индивидуальной саморегуляции ($N = 123$). Для каждой группы респондентов был построен личностный профиль на основании методики «ИТО» (Л. Н. Собчик), определены стили саморегуляции поведения, затем полученные результаты анализировались с помощью U -критерия Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты исследования в первой группе (рисунок 2; таблица 1). Осужденным женщинам с низким показателем индивидуальной саморегуляции присущи агрессивность ($M = 8,41$), проявляемая в реализации неконструктивной модели самоутверждения в пенитенциарном социуме, а также преобладание в межличностном и межгрупповом взаимодействии провокационных высказываний и действий. Вероятно, подобное поведение обусловлено отсутствием у респондентов осознаваемой потребности к самоконтролю и неспособностью адекватного управления своими эмоциями и поступками. Следует отметить, что замкнутость и аутичность ($M = 7,16$), характерные для данной группы женщин, выражаются в неуверенности, низком уровне адаптивности и ригидности ($M = 6,75$). При этом инертность индивидуальных установок и подозрительность не позволяют осужденным женщинам самостоятельно принимать жизненно важные решения, что в итоге приводит к развитию проблемных или конфликтных ситуаций как личностного, так и социального характера, вследствие чего в условиях изоляции пенитенциарного учреждения нередко у осужденных женского пола наблюдаются

эмоциональные вспышки, причина которых, как правило, кроется в отсутствии эффективных стратегий саморегуляции индивидуального поведения.

Рис. 2. Представленность личностных характеристик осужденных женщин с низким уровнем индивидуальной саморегуляции (М)

Fig. 2. Representation of the convicted women personality characteristics with low level of individual self-regulation (M)

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа выраженности личностных характеристик осужденных женщин в зависимости от уровня саморегуляции поведения (U-критерий Манна-Уитни)

Table 1

Results of the comparative analysis of the expression of the convicted women personality characteristics according to the self-regulation level (U-test of Mann-Whitney)

Шкалы методики «ИТО»	U	Уровень значимости	Среднее значение	
			1 группа, n = 205	2 группа, n = 123
Агрессивность	654,0	0,048*	4,9	3,83
Экстраверсия	691,5	0,002*	4,32	6,39
Спонтанность	626,0	0,049*	5,9	7,05
Агрессивность	684,0	0,007*	8,41	5,44
Ригидность	639,5	0,021*	6,75	7,08
Интроверсия	705,0	0,095*	7,16	5,32
Сензитивность	672,0	0,05*	6,46	4,71
Тревожность	768,5	0,462	3,59	3,99
Лабильность	635,5	0,016*	5,25	4,89

Примечание - * Здесь и далее в таблице 2 выделены достоверно значимые различия.

В диапазоне умеренно выраженных личностных особенностей в первой группе осужденных находятся спонтанность (M = 5,9), сензитивность (M = 6,46) и лабильность (M = 5,25). Полученные результаты свидетельствуют о лидировании мотивации рискованного

поведения, демонстрирующего субъективно ожидаемое неблагоприятное и возможную неудачу в деятельности. Кроме того, полная или частичная зависимость от социального окружения исправительного учреждения способствует формированию избыточной эмотивности, которую можно наблюдать в демонстративности, мнительности и повышенной тревожности. По мнению Л. Н. Собчик, такие личностные особенности характеризуют гипостенический тип поведения с выраженными чертами неврастения и делинквентности [10].

Представители второй группы со средним уровнем саморегуляции поведения отличаются высокими показателями ригидности ($M = 7,08$) (рисунок 3; таблица 1). При этом снижение подвижности, переключаемости и выраженности адаптации психических процессов к меняющимся требованиям среды связаны у осужденных женщин прежде всего с эмоциональными процессами, которые не проявляются внешне, но приводят к качественному расстройству эмоционального спектра, провоцируя появление эмоциональной негибкости. В связи с этим А. Н. Певнева утверждает, что «эмоциональная ригидность высвечивает индивидуальные различия в способах переработки информации и проявления однообразных эмоциональных откликов на изменившиеся предметы эмоций, константность оценки событий, а также адаптивные способности и свойства личности» [11, с. 92]. Очевидно, что полюс эмоциональной реактивности может рассматриваться как значимый компонент индивидуальной саморегуляции поведения среди осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Рис. 3. Представленность личностных характеристик осужденных женщин со средним уровнем индивидуальной саморегуляции (M)

Fig. 3. Representation of the convicted women personality characteristics with average level of individual self-regulation (M)

На основании полученных результатов диагностики осужденных женщин со средним уровнем сформированности индивидуального стиля саморегуляции поведения можно констатировать высокие показатели проявления спонтанности в течение всего периода отбывания наказания ($M = 7,05$). В данном контексте нельзя не согласиться с авторским подходом Н. В. Ореховой, утверждающей, что «спонтанность является именно тем субъективным свойством личности, от которого зависит детерминация самой деятельности, обеспечивающая сообразность ее протекания внутренним устремлениям» [12, с. 17]. Спонтанность, которую Э. Фромм обозначил понятием «модус бытия» [13], показывая тем самым ее роль в жизни

человека, определяет способность к самопроизвольности, осмысленности, продуктивности и открытости. Среди осужденных женщин данные личностные характеристики практически не представлены, а спонтанность выражается в повышенном уровне импульсивности, которая в некоторой степени выступает защитной реакцией на условия пенитенциарной среды. Кроме того, у женщин второй группы выражена избыточная общительность ($M = 6,39$), дающая возможность расширения социальных контактов и поведенческой раскрепощенности, но при этом наблюдается отсутствие тенденции к самоанализу и самоконтролю. Такие осужденные женского пола отличаются самоуверенностью и нежеланием соблюдать требования сотрудников исправительного учреждения и нормативных документов, регламентирующих процесс отбывания уголовных наказаний. В соответствии с теорией Л. Н. Собчик, сочетание данных индивидуальных особенностей свойственно гиперстеническому типу личности, одной из особенностей которого является чрезмерная чувствительность к давлению окружающих ($M = 4,71$).

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что достоверно значимые различия по U-критерию Манна-Уитни были обнаружены по шкале экстраверсии ($p = 0,002$), позволяя предположить, что осужденные со средним показателем индивидуальной саморегуляции предпочитают обращенность в мир реальных явлений ($M = 6,39$), нежели ограниченность круга взаимодействия, характерную для женщин первой группы ($M = 4,32$).

Способность контролировать свое поведение согласно имеющимся внутренним личностным мотивам в большей степени присуща осужденным женщинам со средним уровнем саморегуляции ($p = 0,049$), но тем не менее у данной группы респондентов наблюдается потребность в действиях рискованного характера и направленность на реализацию лидерских задатков ($M = 7,05$). Однако в условиях пенитенциарного социума эти тенденции трансформируются под влиянием психологической работы, целью которой является формирование позитивной адекватной самооценки осужденных женского пола.

В то же время у женщин с низким уровнем сформированности саморегуляции поведения более выражена агрессивность ($M = 8,41$), что подразумевает предпочтение реализации «неконструктивной формы адаптации человека к неблагоприятным ситуациям» [14, с. 152]. Наиболее часто у данной группы осужденных встречается генерализованная форма агрессии, реализуемая через физическое воздействие для удовлетворения личных примитивных потребностей ($p = 0,007$). Осужденные второй группы менее склонны проявлять агрессивное поведение ($M = 5,44$), хотя выраженность данного показателя свидетельствует о его акцентуированности в структуре их характера.

Результаты диагностики демонстрируют, что осужденные второй группы более ригидны ($M = 7,08$), а значит, у них неразвиты стратегии приспособления к изменению внутренних и внешних условий. Им не свойственно идти на компромисс или менять свою систему взглядов и убеждений. Очевидно, что присущие женщинам этой группы консерватизм и в некоторой степени инертность интегрируются в качественную характеристику саморегуляции индивидуального поведения и в условиях лишения свободы приводят к демонстративности, эгоцентризму и аффективному поведению. Высокие показатели ригидности выявлены и у женщин первой группы ($M = 6,75$), но при этом осознанное планирование своего поведения у них частично представлено.

Сравнительный анализ выраженности личностных характеристик осужденных женщин с разным уровнем индивидуальной саморегуляции показал, что респонденты первой группы более замкнуты и склонны к глубоким внутренним переживаниям ($M = 7,16$). Озабоченность личностными проблемами и сосредоточенность, а в некоторых случаях и застревание на них детерминируют развитие социальной пассивности и отгороженности. Устойчивая модель подобного поведения обуславливает деформацию представлений о контроле и регуляции своего поведения, что в итоге препятствует последующей ресоциализации осужденных женщин.

Также осужденные женщины с низким уровнем индивидуальной саморегуляции отличаются выраженной сензитивностью ($p = 0,05$). В процессе межличностного и межгруппового взаимодействия у них можно наблюдать мнительность, самобичевание, впечатлительность ($M = 6,46$). Полученный результат согласуется с показателями по шкале «лабильность» ($M = 5,25$), отражающими немотивированную смену настроения, конфликтность и слабый внутренний контроль. Все это может свидетельствовать о резистентности поступков и поведения женщин, приводящей к нарушению режима отбывания наказаний и показывающей степень

осознания мотивации саморегуляции. Осужденные второй группы также характеризуются впечатлительностью ($M = 4,71$), однако для них это один из способов получения новых эмоций и профилактики негативных переживаний. Кроме того, на основании результатов исследования лабильности у них формируется потребность в сочувствии, сопереживании и прочных эмоциональных контактах в небольших по объему группах ($M = 0,016$).

Рассмотрим далее результаты представленности стилей индивидуальной саморегуляции осужденных женщин на основании диагностики по методике «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова). На рисунке 4 и в таблице 2 можно увидеть общую картину предпочтения женщинами стилей саморегуляции в процессе отбывания уголовного наказания.

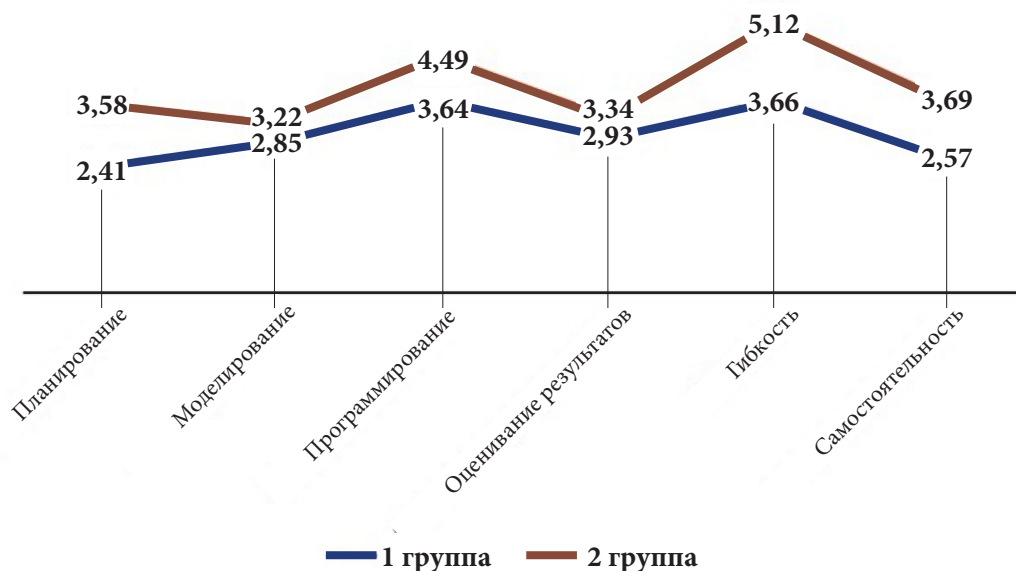

Рис. 4. Представленность стилей индивидуальной саморегуляции женщин в группах (M)

Fig. 4. Representation of individual self-regulation styles in groups (M)

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа выраженности стилей саморегуляции поведения осужденных женщин в группах

Table 2

Results of the comparative analysis of the self-regulatory styles expression in convicted women in groups

Стили саморегуляции поведения	U	Уровень значимости	Среднее значение	
			1 группа, n = 205	2 группа, n = 123
Планирование	559,5	0,011*	2,41	3,58
Моделирование	430,0	0,295	2,85	3,22
Программирование	562,0	0,026*	3,64	4,49
Оценивание результатов	448,5	0,174	2,93	3,34
Гибкость	596,0	0,003*	3,66	5,12
Самостоятельность	538,5	0,054*	2,57	3,69

Так, у представительниц первой группы осужденных потребность в планировании развита слабо, планы неустойчивы и диффузны, поставленная цель редко бывает достигнута, планирование недействительно и малореалистично ($M = 2,41$). Они предпочитают не задумываться

о своем будущем, а постановка целей носит ситуативный характер. Осужденные второй группы характеризуются более выраженной потребностью в осознанном планировании деятельности, реалистичностью планов и самостоятельностью их выдвижения ($M = 3,58$).

В результате сравнения индивидуальной сформированности осознанного программирования своих действий в группах осужденных было выявлено, что женщины с низким уровнем саморегуляции не способны прогнозировать последствия своих действий, предпочитают действовать импульсивно, что в итоге приводит к несоответствию полученных результатов поставленным ранее целям ($p = 0,026$). Их действия отличаются импульсивностью, что не позволяет им самостоятельно прогнозировать и реализовать поведенческий алгоритм в соответствии с имеющейся ситуацией и долгосрочными перспективами ($M = 3,64$). Подобное поведение влечет за собой ряд проблем, среди которых можно отметить рассогласование в целях и результатах своего поведения и деятельности, зачастую не способствующее осознанию ошибочных действий, выступающих одним из лидирующих факторов совершения повторных преступлений. Осужденные второй группы склонны продумывать способы своих действий для достижения намеченных целей, моделировать поведение и оперативно реагировать на изменения ситуации ($M = 4,49$).

Осужденные женщины с низким уровнем сформированности индивидуальной саморегуляции характеризуются неуверенностью в меняющейся обстановке и системными сложностями организации процесса адаптации к жизненным переменам ($p = 0,003$). Они не могут адекватно реагировать на ситуацию, быстро и своевременно планировать деятельность и поведение, что психологически усугубляется в ситуации изоляции, ограничения в удовлетворении потребностей и свободы ($M = 3,66$). Неудачи при выполнении деятельности приводят к эмоциональным срывам, а в критические моменты и к суицидам. Женщины, у которых диагностирован средний уровень индивидуальной саморегуляции, отличаются регуляторной гибкостью, которая проявляется в умении оперативной трансформации механизмов и способов саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий ($M = 5,12$). В условиях отбывания уголовного наказания они проявляют пластичность регуляторных процессов, выражающуюся в объективной оценке, перестраивании планов своей деятельности и недопущении развития внутриличностного конфликта.

Необходимость внешней поддержки в большей степени присутствует у осужденных женщин с низким уровнем сформированности индивидуальной саморегуляции ($p = 0,054$). Очевидно, что данный показатель тесно связан с утратой у осужденных навыков контроля своего поведения, которое, по мнению Е. А. Сергиенко, «актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними)» [15, с. 140]. По сравнению с женщинами второй группы планы и программы индивидуальных действий они разрабатывают несамостоятельно, а также часто и некритично следуют чужим советам, не применяя элементы рефлексивности ($M = 2,57$). Осужденные, у которых саморегуляция находится на среднем уровне, более направлены на реализацию регуляторной автономности в планировании и осуществлении поведенческих актов ($M = 3,69$). Подобное поведение способствует развитию анализа, контроля и оценки промежуточных и итоговых результатов деятельности, что является условием профилактики рецидивной преступности среди женщин, отбывающих наказание.

3 заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Актуальность исследования личностных характеристик саморегуляции поведения осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, не вызывает сомнений и обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, наблюдаемое увеличение роста женской преступности в современном обществе определяет необходимость комплексного изучения индивидуальных факторов, способствующих совершению делинквентных поступков. Во-вторых, искажение личностной сферы осужденных женского пола, напрямую коррелирующее с эмоциональным состоянием и навыками саморегуляции поведения, характеризует специфику

совершения уголовных преступлений. В-третьих, обеспечение успешного процесса ресоциализации осужденных женщин и профилактики рецидивной преступности невозможно без коррекции психологических механизмов саморегуляции женщин на этапе отбывания наказания.

2. В среде осужденных женщин преобладает низкая выраженность саморегуляции поведения, проявляющаяся в несформированности мотивов осознанного планирования и реализации индивидуальной активности, послуживших причиной совершения противоправных действий. Осужденные женщины со средним уровнем саморегуляции отличаются несамостоятельностью в построении стратегии своего поведения. Однако свойственное им ценностно-смысловое осознание необходимости регуляции поведения и деятельности способствует формированию навыков произвольности. В то же время в выборке не выявлено осужденных с высоким уровнем индивидуальной регуляции поведения.

3. Для осужденных женщин с низким показателем саморегуляции свойственны такие личностные характеристики, как агрессивность, замкнутость, спонтанность, сензитивность, лабильность. Данный комплекс личностных проявлений соответствует гипостеническому типу поведения. У женщин со средним уровнем саморегуляции, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, проявляются ригидность, спонтанность, интроверсия, что обуславливает формирование гиперстенического типа поведения.

4. В группе осужденных с низким уровнем саморегуляции наиболее выражены программирование и гибкость стилей контроля и управления своим поведением. Женщины со средним показателем саморегуляции предпочитают гибкость и программирование при реализации поведенческих стратегий при отбывании наказаний за совершенные уголовные преступления. Полученные результаты являются далеко не исчерпывающими, однако позволяют определить направления дальнейших исследований в данной сфере.

Список источников

1. Гунзунова Б. А. Теоретические подходы к исследованию саморегуляции произвольной активности субъекта деятельности // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 3–7.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. Москва : Мысль, 1991. 299 с.
3. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2021. № 1. С. 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>.
4. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2010. № 1. С. 36–45.
5. Михайлов А. Е., Тараканов И. А. Женская преступность: современное состояние и тенденции // Ученые записки. 2020. № 2 (34). С. 99–103.
6. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. Москва : Российское право, 1992. 252 с.
7. Моросанова В. И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 118–127.
8. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности : Теория и практика психодиагностики. Санкт-Петербург : Речь, 2008. 624 с.
9. Коноплева И. Н., Князева С. О., Дебольский М. Г., Красненкова С. А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>.
10. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. Москва : Компания Боргес, 2010. 59 с.
11. Певнева А. Н. Структурная организация эмоционального компонента ригидности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024. № 1. С. 91–99.
12. Орехова Н. В. Спонтанность как психологическое понятие // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 7–19.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : АСТ, 2024. 288 с.
14. Корытченкова Н. И., Ахвердова О. А., Смагина С. С. Интегральные характеристики агрессивности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 152–156. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-152-156>.
15. Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 130–146. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-130-146>.